

Евгений СУХОВ

СМЕРШ

*Литерный поезд
генералиссимуса*

МОСКВА

СМЕРШ

СМЕРШ в БОЮ

Подвиги сталинских «волкодавов»

Евгений СУХОВ

СМЕРЬ

*Литерный поезд
генералиссимуса*

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С91

- Сухов, Евгений.**
С91 Литерный поезд генералиссимуса / Евгений Сухов. — Москва : Эксмо, 2025. — 384 с. — (СМЕРШ в бою. Подвиги сталинских «волкодавов»).

ISBN 978-5-04-221592-6

Фашистской разведке становится известно, что в ближайшие дни Сталин посетит Западный фронт. Информация абсолютно достоверная, и операцию по уничтожению генералиссимуса под личный контроль берет фюрер. Вражеская диверсионная группа предателя Свиридова десантируется в расположение советских войск. Диверсанты уже знают, на каком именно поезде поедет Сталин. Кажется, фашистские прихвостни продумали все. Но одного они не учли: СМЕРШ давно идет по их следам и просчитывает каждый их шаг...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Сухов Е., 2024
© Оформление. ООО «Издательство
ISBN 978-5-04-221592-6 «Эксмо», 2025

Глава 1

ПОПАЛИСЬ, ГОЛУБЧИКИ!

Дверь открылась, и в кабинет к начальнику третьего отдела государственного управления контрразведки «СМЕРШ» полковнику Утехину седой старшина доставил арестованного.

— Побудь пока за дверью, — распорядился полковник, — когда будешь нужен, позову. А ты, — обратился он к арестованному, — садись вот на этот стул.

Арестованный сел на указанный стул, положив на стол большие крепкие руки, сцепленные наручниками. Был он высок, крепок. Взгляда не прятал, смотрел прямо, ожидая вопроса. В нем не было ничего такого, что могло бы вызвать антипатию, скорее наоборот, его внешность была весьма располагающей. Такие люди умеют нравиться, легко входят в доверие, и немецкое руководство прекрасно разбирается в людях, зная, кого следует отправлять за линию фронта. Диверсанту было под силу влюбить в себя неискушенную девчонку, найти кров у обездоленной вдовы, истосковавшей по мужскому вниманию. У мужчин его внешность также вызывала расположение: выглядел он мужественно, руки имел сильные, привыкшие к тяжелой работе. От его облика так и веяло надежностью.

Арестованный чуть распрямил спину. Вот она и проснулась, спесь. Парню совершенно невдомек,

что достаточно полковнику щелкнуть пальцами, как от его горделивой осанки останется только сгусток боли.

Пока не стоит горячиться, все зависит от того, как сложится разговор. Утехина заверили, что арестованный будет покладистым. Но для начала собеседника нужно к себе расположить, даже если это матерый враг. Пусть расслабится, почувствует себя в безопасности, а там и уязвимое место найти нетрудно.

Диверсант смотрел прямо в лицо Утехину, ожидая вопроса, и он последовал:

- Как зовут?
- Николай.
- Фамилия?
- Зотов.
- Звание?
- Старший сержант.
- Где тебя арестовали, Зотов?
- Под Загорском. Два дня назад.
- Как попал в плен?

Неопределенно пожав плечами, диверсант заговорил прежним, слегка размеренным тоном: ни дрожи в голосе, ни страха на лице, ничего такого, что отличало бы труса от солдата. Даже странно, что такой представительный экземпляр сидит по другую сторону стола в качестве заключенного. Его легко представить в окопе с противотанковым ружьем.

— Невеселая история, можно сказать, что не по своей вине.

— Как ни послушаю, вы все не по своей вине в плену оказались. И все-таки расскажи.

— Под Гродно это было, — после некоторого молчания заговорил Зотов. — В самом начале войны. Город взяли уже на второй день, а наш гарни-

зон просто рассыпался по лесам, толком не знали, в какую сторону идти, всюду немцы! Потом нас человек десять осталось, на всех только два автомата, и то трофейные, в которых по несколько патронов осталось... Вышли к одному селу, вроде бы пустое, никого нет, только женщины у колодца ведрами грочуют. Ну, я и сказал двоим, чтобы сходили в село и обстановку разузнали. Вышли они на окраину села, осмотрелись, вроде бы немцев нет. Вот и машут нам рукой, подходите. Зашли мы в одну хату, чтобы несколько картофелин на брата попросить, а тут мужики со всех сторон набежали: кто с дробовиками, кто с колунами. Понятно стало, что с такой оравой не справишься. Сказали нам: или мы складываем оружие, или они нас всех положат! Что тут делать? Отложили мы оружие в сторону, а они накинулись на нас всей гурьбой и давай дубасить чем ни попадя! Повезло мне тогда, живой остался, но голова после этих побоев месяц трещала... Потом связали нас всех и немцам передали.

— А дальше что было?

— Сначала привели в лагерь под Гродно. Потом отвезли в другой, большой очень. Назывался он фронтовой сборный пункт. Жрать нам там не давали, пить тоже... Даже не знаю, как и выжил. Судьба, наверное, многие там полегли... Дальше был пересыльный лагерь под Минском.

— Кто был начальником этого лагеря?

— Штурмбаннфюрер СС Шенеман. Меня записали в активисты.

— Что это давало?

— О! Преимущества были большие. Во всяком случае, появилась надежда выжить. Мы прошли двухмесячный медицинский и политический каран-

тин, дальше была сортировка. Офицеров, способных к агентурной работе, отправляли в лагерь под Минск. Кавказских активистов — в особый предварительный лагерь в город Аушвиц. Уроженцев Средней Азии — в особый предварительный лагерь в Легионово.

— А ты куда попал?

— В Смоленскую диверсионную школу.

— Где она размещалась?

— В четырех километрах от города. Располагалась в бывшей машинно-транспортной станции.

— Кто был начальник школы?

— Начальником школы был зондерфюрер Обух. Та еще сволочь! Любил поговорить по душам, перековать в свою веру... И у него это получалось неплохо.

— Что его интересовало?

— Родные, биографические данные. Самолично все это записывал в личные дела.

— Как оформлялась вербовка агентуры?

— В первый же день заполняли специальную анкету, где указывали полные автобиографические данные. Потом под всем этим подписывались. Подразумевалось, что задания германского командования выполняются добровольно. Все разговоры с ним должны были хранить в строжайшей тайне.

— Как проходило обучение в вашей группе?

— Обыкновенно... Очень напоминает армию. Изучали диверсионное дело, стрелковое. Объясняли, как вести себя в тылу противника. В каждой группе два человека проходили подготовку на радистов.

— Назови преподавателей.

— В нашей группе занятие вел унтерштурмфюрер СС Шальке, а лекции читал штурмбаннфюрер СС Шлоссер.

— Как долго шла подготовка?

— От двух до четырех месяцев. У нас было два с половиной.

— Какую форму носила агентура во время учебы?

— Форму солдат войск СС, — прямо посмотрел Зотов.

— После школы куда попал?

— В «Абвергруппу-103», подчиненную «Абверу-1», немецкой военной разведке.

— Как экипировалась агентура перед заброской в глубь советской территории?

— По-разному, кто уходил в гражданской одежде, кто переодевался в военную форму.

— Какие у вас с собой были документы?

— Все зависело от поставленных задач... Справка из госпиталя, удостоверение личности комсостава, командировочные предписания, продовольственные аттестаты, выписки из приказов о переводе из одной воинской части в другую, выписки из госпиталей и отпуска после ранения, партийные и комсомольские билеты, наградные книжки, временные удостоверения о наградах. Да много чего... все сразу как-то и не упомнишь!

— Придется посидеть и подумать.

— Вспомню, — хмыкнул Зотов. — Теперь вроде бы торопиться некуда.

— Твоя задача в советском тылу?

— Их много. Внедриться на железнодорожную станцию близ Москвы. Сделать там своим, чтобы ни у кого не вызвать подозрения. А потом наблюдать за передвижениями поездов.

— На что нужно было обратить особое внимание?

— На резервы, перебрасываемые к линии фронта. Отслеживать перемещение воинских эшелонов и всевозможных грузов.

— Режим агентуры в вашей школе?

— Ничего особенного. Размещались в казармах группами и ротами. Если нам вместе забрасываться в советский тыл, так и держаться старались вместе. Дисциплина жесткая, особо не побездельничаешь. Кто не выдерживал учебу, направляли обратно в лагерь. А туда не хотелось никому... Я до войны в техникуме учился, так вот, хочу сказать, я в техникуме столько не учился, сколько в разведшколе.

— Жить, значит, хотелось?

— Поначалу жизнь-то не особенно и ценишь. Думаешь: убьют, ну и ладно! На войне к смертям привыкаешь... А вот когда судьба предоставляет шанс выжить, так уже на смерть смотришь по-другому. За малейшую возможность хватаешься, чтобы хотя бы еще денек пожить. Просто так этого не понять, это нужно пережить...

— Ты мне вот что скажи: сколько групп было заброшено во время твоей учебы и куда?

— Таких группы было три, — немного подумав, ответил Зотов. — Первая группа — обершарфюрера СС Фридриха Яроша. Но куда их забросили, я могу судить только по косвенным данным... Вся информация была строго засекречена. Группа состояла из семнадцати человек, в основном в ней были эстонцы, среди них две девушки. Одна, кстати, весьма ничего... Я полагаю, что их сбросили где-то в районе Псковской области, думаю, что для каких-то террористических акций или диверсий.

— Откуда такая уверенность?

— Скажу так... У меня с одной из девушек был краткосрочный роман. Не хочу сказать, что у нас для любви было много времени, просто несколько раз

удалось остаться вдвоем, вот она мне и шепнула, что скоро отправится домой, а ее дом в Пскове!

— Понятно. А твое увлечение никто не заметил? Там с этим строго.

— Может, кто и заметил, так помалкивал. Там один пытался язык распустить, так я подловил его в сортире и так башкой о стенку саданул, что сразу мозги ему на место вставил.

— Кто руководил второй группой?

— Вторая группа — ротенфюрера СС Иоганна Брынски. В ней было человек шестнадцать. Они как-то отдельно от нас держались. В их составе было три девушки, лет двадцати — двадцати двух. Имен я их не знаю, потому что все пользовались псевдонимами.

— Чем они собирались заниматься?

— Думаю, что тоже диверсиями. Слишком много времени в обучении уделялось диверсионному делу, а потом, в соседнем лесу они так гремели взрывчаткой, как будто бы собирались приступом Москву брать, — усмехнулся Зотов. — Думаю, что они сейчас где-то на железной дороге.

— Где предположительно? — поднял полковник со стола карандаш.

— Сказать навскидку сложно, но как-то в кабинете у Брынски я заметил участок железной дороги Индра — Двинск, и, видимо, это не случайно, в последние месяцы там как раз активизировались боевые действия.

Полковник Утехин сделал несколько пометок на листке бумаги.

— Что ж, все может быть. И какая третья группа?

— Третья группа состояла из двадцати литовцев. Руководителем этой группы был штурмбаннфюрер СС Озолиньш. Держались они от нас, русских, особ-

няком, в беседы никогда не вступали. Собственно, и мы к ним тоже с разговорами не лезли. У них на роже было написано, как они нас не любят. Мне даже порой казалось, что, была бы их воля, они бы всех нас к стенке поставили. Так что еще немцам нужно спасибо сказать, что они между русскими и литовцами были. Себя считали белой костью, все очень идейные, все советское просто ненавидели, даже на красный цвет с презрением смотрели.

— Чем они занимались?

— Все тем же, диверсионной работой! Прилежания в этом деле им было не занимать. Готовились так, как будто собирались воевать с передовыми частями советской армии.

— А может, и в самом деле с передовыми?

— Не уверен, на этот счет у меня собственное соображение имеется. Думаю, их готовили, чтобы они организовали партизанское движение. Немцы прекрасно понимали, что прибалтийские территории им не удержать, и потихонечку внедряли туда свою агентуру.

— Возможно, так оно и есть.

— Мне сохранят жизнь? — сглотнув, спросил Зотов.

— Все зависит от того, как пойдет наше сотрудничество. Все сказанное мы самым тщательным образом перепроверим. Если увидим, что ты был с нами, скажу так, не до конца искренен... я ничем не сумею тебе помочь.

— Поверьте мне, я все сказал, что знал.

— Разберемся.

— И еще... Неделю назад я случайно услышал телефонный разговор начальника школы с каким-то

бароном... Речь шла о том, что в Томилино, в лесной массив, завтра ночью должны сбросить двух агентов.

— Их задание?

— Они должны устроиться на железнодорожной станции в Люберцах и собирать информацию по проезжающим поездам. А также организовать диверсии на железнодорожных узлах.

— Если информация подтвердится, это тебе зачтется. — Вызвав караульного, полковник распорядился: — Старшина, уведи арестованного!

Оставшись один, он поднял трубку и набрал номер:

— Старший лейтенант Романцев?

— Так точно, товарищ полковник!

— Мне тут поступила информация, что в районе Томилино, в квадрате двадцать четыре, — это там, где лесной массив, — завтра будут сброшены два диверсанта. Их задача — организация диверсий на железных дорогах и сбор информации. Прими меры к их задержанию.

— Есть, товарищ полковник! Сделаем все как надо.

— И поаккуратнее там, мне они нужны живыми, — предупредил полковник и положил трубку.

Взглянув на настенные часы с кукушкой, висевшие над самым столом, Тихон поднялся — подошло время обхода железнодорожных путей. Привычно закинув карабин на плечо, он вышел из сторожки и неспешно зашагал по насыпи, слегка подволакивая покалеченную ногу. Несмотря на летнюю погоду, было по-осеннему свежо. Вокруг было тихо, лишь под сапогами негромко похрустывал гравий.

Ранение, полученное под Киевом в первые же дни войны, давало о себе знать при каждом шаге: раздробленная ступня болела, а кроме того, нестерпимо ныла голова — следствие тяжелейшей контузии.

После каждого обхода боль лишь усиливалась. Единственное, что его спасало, так это небольшой стопарик водки, после которого она как будто притуплялась, а в иные минуты даже казалось, что оставила его совсем. И только когда действие алкоголя проходило, болячки вновь напоминали о себе с новой силой.

Рука невольно потянулась к фляжке за очередной порцией «обезболивающего», но Тихон усилием воли сдержал желание, осознавая, что от обильного возлияния лучше не становится. Следовало перетерпеть и сделать следующий глоток, когда будет совершенно неумоготу.

Работенка у него была нехитрая — обходчик железнодорожных путей, благо что этим же ремеслом он занимался еще до войны. Так что, можно сказать, вернулся на свое рабочее место. Первое, на что обращал внимание, — это на верхнее строение пути и земляного полотна. В прошлом месяце из-за нарушения искусственного сооружения с рельсов сошел товарный поезд, и неисправность пришлось потом устранять целой бригадой. Подобные нарушения часто связаны с диверсией, а потому следовало быть настороже, в какой-то степени железнодорожные пути — тоже линия фронта. Тихон шел медленно, постукивая по рельсам молоточком, проверяя их целостность. Особое внимание уделял крепежам узлов, стыкам.

В этот день все было обычно: ровным счетом ничего такого, что выбивалось бы из нормы. Правда,

ночь благодаря полнолунию была несколько светлее, что значительно облегчало работу.

Уже возвращаясь в сторожку, Тихон услышал нарастающий гул самолета. Тяжелый, протяжный, какой бывает только у транспортных самолетов. И уже через минуту над лесом появился «Ли-2» без всяких опознавательных знаков, именуемый в войсках «Дугласом». Странно было то, что этот участок дороги размещался вдали от летных трасс. Даже если самолеты и пролетали, то, как правило, на очень большой высоте, совершенно не досажая нарастающим гулом. Этот же летел буквально над верхушками деревьев, как если бы чего-то высматривал. Совершив круг над лесом, самолет вновь развернулся, словно искал подходящее место для посадки или для десантирования парашютистов. Не отыскав подходящего, полетел в глубину лесного массива. Некоторое время был слышен только гул двигателей, в зависимости от порывов ветра то резко нарастающий, а то вдруг звучавший откуда-то издалека, пока наконец не утих совсем.

Задрав голову вверх, Тихон попытался разглядеть удаляющийся самолет, но он уже исчез в черноте облаков, будто всего лишь привиделся. Странно все это...

Вернувшись в сторожку, Тихон записал в дежурный журнал о небольшом провале на железнодорожном пути, который можно было поправить собственными силами, и, подумав, написал также о странных маневрах самолета без опознавательных знаков.

Завтра об этом происшествии нужно будет сообщить в НКГБ, пусть они разберутся, что да как... Если ничего не выявится — хорошо! Но бдительность во время войны терять не следует.

Дождавшись сменщика, задержавшегося, по обыкновению, ровно на десять минут, Тихон поплелся в сторону трехэтажного желтого здания с белыми колоннами, где размещался Люберецкий горотдел НКГБ и третий отдел «СМЕРШ» по борьбе с агентурой.

— Куда? — строго спросил у него хмурого вида боец с карабином за плечами, стоявший у самого входа, когда он ступил на каменную ступень парадного крыльца.

— Мне бы к начальнику...

— Что за дело?

— Самолет тут подозрительный над лесом все летал. Думаю, что он диверсантов сбросил.

— Четвертая комната на втором этаже, — подсказал красноармеец, посчитав, что информация важная, и охотно отступил в сторону.

— Разберусь, — сказал Тихон и зашагал в открытую дверь.

Двое красноармейцев с небольшими котомками за плечами неспешно пересекли железнодорожное полотно и, поскрипывая галькой, попавшей под подошвы сапог, вышли к зданию вокзала.

Один боец был высоким брюнетом лет двадцати восьми в старой шинели и выцветшей гимнастерке. Другой — росточком пониже и белокурый — сержант лет двадцати пяти, в вылинявшей гимнастерке, на которой красовались орден Красной Звезды и медаль «За отвагу». Потоптавшись немного на перроне и раскурив по папироске, они направились к центру города.

— Служивые! — негромко окликнул их молодой безногий мужчина на костылях.

— Чего тебе? — дружно обернулись солдаты.

— Папироской не угостите?

— С превеликим удовольствием... Где ногу-то потерял? — участливо спросил белокурый, доставая из кармана галифе пачку «Казбека».

— Ах, это, — отмахнулся калека, — на Волховском фронте оставил. Осколком зацепило. Можно было ногу спасти, но как-то не до того было, немец на нас напирал со страшной силой, не было даже возможности голову поднять. Потом гангрена пошла, вот и оттяпали... Эскулапы! Ладно, что хоть живой остался.

— Тоже верно... Держи, — протянул сержант две папиросы.

— О, благодарствую! А вторую за что?

— За героизм и за то, что живой остался.

— Вот оно что... Первую папироску я сразу искурю, а вторую припрячу — не каждый день меня «Казбеком» угощают. Но я вижу, что ты сам парень геройский. Где медаль «За отвагу» получил? — чиркнул мужичок трофейной зажигалкой.

— Еще в начале войны дело было, — не сразу ответил тот.

— Видно, было за что, тогда не очень-то наградами разбрасывались, — подытожил безногий.

— Под Оршей дело было, в сорок первом, — уточнил сержант, — на Западном фронте. Против танкового взвода выстояли. Даже сам не знаю, как уцелел.

— Под Оршей? — удивленно протянул мужичок на костылях. — Уж не под командованием ли маршала Тимошенко?

— Точно так. Мы тогда предприняли наступление в Лепельском направлении, потом под Витебск отступили.

— И мы туда же! Я тогда в первой Московской мотострелковой дивизии служил. Там же и конту-

зию получил... — Инвалид показал на две красные полоски на кителе. — Это потом меня на Волховский направили. Так вы из госпиталя?

— Из госпиталя. А как догадался? — удивился брүнет, стоявший прежде молчком.

— Ну-у, как вам сказать, глаз-то у меня уже наме-тан. Те, кто с фронта, выглядят по-другому.

— Это как же по-другому?

— Взгляд у них дерзкий, отвечают раздражительно, а вы вот даже папиросками угостили. А потом, они все худые, а вы, как я посмотрю, даже сальцо на щеках наели. Видно, долго лежать пришлось.

— Да уж... пришлось! Половину желудка вырезали.

— А сейчас куда?

— В комендатуру. Нужно отметитья по прибы-тии, а дальше опять на фронт.

— Ну, ладно, служивые, потопаю я. Спасибо за табачок.

Кивнув на прощание, инвалид заковылял в сторону привокзальной площади. Уже отступив на достаточно большое расстояние, он обернулся. Красноармейцы неторопливо шагали по улице, мало чем отличаясь от таких же солдат, как и они сами. С интересом посматривали на девушек, шедших им навстречу, несколько лениво, как и следовало фронтовикам, отдавали честь тыловым офицерам, одетым в до неприличия отглаженную форму. Один из красноармейцев что-то сказал проходившим мимо барышням, и те громко и заливисто рассмеялись, привлекая к себе внимание прохожих.

Дождавшись, когда красноармейцы свернут за угол, безногий заковылял в сторону трехэтажного здания с массивными белыми колоннами.

Старший лейтенант военной контрразведки Тимофей Романцев занимал небольшой кабинет на втором этаже. Единственное преимущество от прочих комнат заключалось в том, что окна выходили на центральную улицу, особенно многолюдную по вечерам, и он, имея привычку выкуривать сигарету у окна, всегда с интересом наблюдал за прохожими. О том, что в войне наметился перелом, чувствовалось в настроении людей, в их разговорах, даже в том, как они одевались, в некоторой расслабленности, чего не было еще с год назад. И это не могло не радовать.

Сейчас старший лейтенант выкурил две сигареты подряд, но желаемое успокоение так и не пришло. А все потому, что накануне вечером ему позвонил полковник Утехин и сообщил о том, что в залесенном массиве близ поселка Томилино, в квадрате двадцать четыре, должен быть выброшен немецкий десант, который следовало «принять» живым. Времени, чтобы основательно подготовиться к предстоящей операции, не оставалось: взяв с собой взвод автоматчиков, он немедленно выехал на место. Однако самолет так и не появился, данные оказались недостоверными.

Так или иначе, день считался провальным. Целую ночь Романцев со взводом автоматчиков рыскал по лесу в надежде отыскать следы ожидаемых диверсантов и, не обнаружив таковых, не возвращаясь домой, явился утром на службу. Самое время, чтобы завалиться на постель и поспать хотя бы пару часиков, но такой возможности ему не представилось. Уже минут через сорок позвонил рассерженный полковник и спросил, почему он не докладывает о результатах задержания диверсантов. И когда Романцев поведал о своих злоключениях близ поселка Томилино, тот малость пообмяк и велел, чтобы в дальнейшем не-